

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8442

УДК 801.82

В. И. Аннушкин

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

(Москва, Российская Федерация)

vladannushkin@mail.ru

Правила языка — речи — слова в Псалтири, Притчах Соломона и Евангелии

Аннотация. Тексты духовной литературы имплицитно содержат правила и рекомендации к построению речевого общения. Эти правила выводятся из прямых упоминаний о языке — речи — слове или указывают на речевые действия или языковые поступки. Для настоящей статьи избраны тексты Псалтири, Притчей Соломона и Святого Евангелия. Автор выявлял прямые или скрытые упоминания терминов язык — речь — слово — уста, в которых высказывались суждения относительно содержания или оценок данных слов в жизни человека. Все данные термины употребляются в значении «орудие общения, инструмент организации человеческих контактов» и все они получают принципиально двойственную нравственно-этическую оценку: язык — речь — слово могут либо «Бога славить» и быть «словесами добра», нести «радость в ответе уст», либо становиться орудием зла («злословить»), обмана («лести»), страданий и гибели («потопные глаголы»). По сравнению с устной дописьменной речью в фольклоре на новом витке цивилизационного развития в письменной и литературно-печатной словесности у этих терминов появляются новые значения: термин язык получает значение «народ» (в Псалтири), термин слово приобретает важнейшее значение для европейской культуры «Слово Божие» (в Евангелии), а термин уста метафорически используется наиболее частотно в Притчах Соломона. Существенным является выявленное положение относительно первичности нравственно-этических требований к говорящему в подготовке речи, когда сначала говорится о «чистом сердце» («Сердце чисто созижди во мне, Боже»), о праведности и мудрости (в Притчах), о качествах человека (см. Заповеди блаженства) и только затем речь идет о действиях «языком и устами». Двойственность оценок языка — речи — слова говорит и о двойственной природе человека, который либо «устаи Бога хвалит», либо получает «суд» за праздные и лживые слова. Анализ суждений о языке — речи — слове — устах в текстах духовной литературы позволяет выстроить рекомендации и наставления к языковым действиям и поступкам современного человека, который должен хранить нравственно-культурные традиции и творчески применять выявленные правила в собственной речевой деятельности.

Ключевые слова: Псалтирь, Притчи Соломона, Евангелие, слово, язык, речь, уста, правила общения

Об авторе: *Аннушкин Владимир Иванович* — доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, г. Москва, Российская Федерация, 117485)

Дата поступления: 20.06.2020

Дата публикации: 30.10.2020

Для цитирования: Аннушкин В. И. Правила языка — речи — слова в Псалтири, Притчах Соломона и Евангелии // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 7–37. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8442

Идея Слова, которое было «в начале» всего сущего, является основной идеей европейской культуры, философии, филологии, всех областей знания в христианской постязыческой цивилизации. Словом как Словом Божиим создается мир, жизнь и именно словом Господь наделяет свое любимое создание — человека, поэтому как человек создан по образу и подобию Божию, так и «слово человеческое подобно Слову Божию» [Святитель Игнатий Брянчанинов: 7]. Однако это подобие не означает равенства, хотя человек и должен стремиться к «обожению», греховная природа человека проявлена в том, что он, нарушая «Заповеди», грешит не только делами, но и мыслями, и словами. Отсюда все наставления, которые имеются в Евангелии и других текстах Священного Писания, обращены к 1) нравственному облику человека и 2) его *словесному* (*речевому, языковому* — в данном случае это синонимы) поведению.

Словесное — синоним **Божественного** в человеке (человек — «творение словесное») и эта мысль была общим местом в дореволюционной педагогике (например, педагогике Царскосельского лицея, взрастившего пушкинскую плеяду), формировавшей через словесное образование нравственную культуру своих учеников. Термин **слово**, понимаемое как Логос, является в рассуждениях классиков русской словесности и риторики фундаментальным понятием, на основе которого строится все образование. **Слово** есть движущая, творящая сила, воплощаемая в самой способности, даре человека мыслить и воплощать мысль в речи. Примером может быть рассуждение профессора Царскосельского лицея Н. Ф. Кошанского, первого «словесного» наставника царскосельских отроков, начинавшего обучение риторике словами: «Ничто

столько не отличает **человека** от прочих животных, как **сила ума** и **дар слова**». Очевидно, что речь идет о том, что образ Божий с Его Божественным Разумом и совершенным Словом воплотился в образе человека, которому даны в пользование и совершенствование ум и слово: «Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом ему указанной цели» [Кошанский: 2]¹.

Этот пример выразительно показывает, насколько в русской филологической классике ценилось понимание логосического происхождения «слова»: не зря и сами науки назывались до середины XIX века «словесными», а основной филологической дисциплиной к 30–40-м годам стала «словесность» — термин, изобретенный создателями Словаря Академии Российской [Аннушкин, 2013: 17].

В русской философской и филологической традиции создана богатейшая традиция глубокого понимания и толкования «метафизики слова и имени» в трудах Сергея Булгакова, Павла Флоренского, А. Ф. Лосева, чьи изыскания в свою очередь восходят к трудам Григория Паламы, Дионисия Ареопагитского (см. об этом ряд докторских диссертаций, в частности, философское исследование «метафизики слова и имени в русской религиозно-философской мысли» протоиерея Димитрия Лескина и филологическое исследование имяславской традиции В. Р. Тимирханова [Лескин], [Тимирханов]).

Характерно терминологическое разнообразие формулируемого предмета исследования: философия слова, философия языка, философия имени, словология (очевидно, от «филологии») и т. д. Обращаясь к текстам Священного Писания, мы возвращаемся к исходным текстам, в которых определялось исторически первоначальное понимание «**слова**», как, впрочем, и всех связанных с ним синонимов, свидетельствующих тем не менее о приоритете термина **слово** перед всеми соперничающими с ним другими терминами («язык», «речь», «уста», «глагол», и нек. др.).

Предлагаемую область исследования можно назвать **религиозной этикой речи**, поскольку духовная мораль, зафиксированная в этих текстах, будет говорить о нормах и рекомендациях

в обращении с практическим языком. **Религиозная этика речи** создает свои построения на основе **духовной морали**, которая предполагает организацию духовного единства всех людей, установления мира, любви, прощения, терпения, великодушия. В религиозной морали все направлено на личность другого человека — «ближнего твоего», которого необходимо чувствовать «как самого себя» в неложном стремлении к всеобщему союзу любви, единомыслия и единочувствования. В сущности, основным тезисом для человеческого общения становится заповедь «Возлюби ближнего твоего как самого себя», на который проецируется и первая заповедь («Возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим»), поскольку в каждом человеке при общении с ним рекомендуется видеть образ Божий.

Поскольку Слово есть Бог, а Бог есть Слово, то и человек как «образ Божий» есть прежде всего «образ словесный». Отсюда главная характеристика человека — «словесность» (она определена как «дар слова» создателями этого термина в Словаре Академии Российской [Словарь: V, 536]), а главное свойство человека в панегирике «Слово о человеке», написанном старообрядцами Выговской пустыни — «светлость словесства» [Аннушкин, 2002: 138]).

Настоящая статья посвящена выявлению основных идей, связанных с терминами *язык — слово — речь* в главных культурных текстах европейской цивилизации: «Псалтири», «Книги притчей Соломона» и Евангелии. Анализ ведется как количественно, т. е. методом количественного подсчета в употреблении этих терминов, но прежде всего качественно, т. е. с целью выяснения смыслового наполнения, эмоциональных оценок и стилистических средств выразительности.

Язык — речь — слово в Псалтири

Сплошной просмотр текста Псалтири, на первый взгляд, дает немного исследователю «языка» и «слова» — во всяком случае, по сравнению с текстами Притчей Соломона, где предложения об устах и слове встречаются едва ли не в каждой второй притче. Но если рассматривать человеческое «слово» и «язык» как часть целостной сущности человека, то можно

увидеть, сколь фундаментальна нравственно-этическая и философская основа текста Псалтири для исследователя феномена человеческого общения (коммуникации). Как в большинстве религиозных текстов, сентенции о «языке», «устах» и «словесах» растворены в нем, органично вставлены в конструкцию целого текста, следуют из общей содержательной ткани всего произведения, выводятся из всего философско-этического строя Псалтири.

Большинство ситуаций, в которых обращается к Господу псалмопевец Давид, являют нравственный образ человека с его добродетелями и пороками (в риторике как «словесной науке» эти категории называются «ораторскими нравами», т. е. качествами, которым должен соответствовать оратор). Нравственный же облик связан не только с качествами личности, но и с речевыми поступками, выявляющими личность и способными быть либо добрыми и благими, либо злыми и пагубными: *«...нравственность есть способность отличать добро от зла, использовать Богом данную свободу для ориентации личности в сторону правды и добра»* (цит. по: [Риторика Патриарха: 57–58]).

Псалтирь и начинается псалмом, утверждающим разделение добродетели и порока, пути доброго и злого, бытия праведного и лживого. Это — философская основа жизни личности, словесного поведения и любых других поступков человека:

«Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ, на пути грѣшныхъ не ста, и на съдалицѣ губителей не съде: но въ законъ Господни воля его, и въ законъ его поучитъ день и ноцъ» (Пс. 1:1–2).

Эти два пути как два образа жизни и поведения будут затем проявляться в речи и словесных поступках. Если человек питается от Божественного разума *«яко древо, насажденое при исходящихъ водъ»* (Пс. 1:3), то этим готовится и воспитывается вся его природа, сущность, личность, в том числе языковая; таким образом воспитывается его разум, и, напиткиваемые «законом Господним», готовятся и «уста» к возвещению славы Его. Стих *«вся, елика аще творить, успѣтъ...»* (Пс. 1:3) — также словесно-стилевой образ всякого поступка, который должен осуществляться не в суетной спешке, но

разумно и последовательно, а противоположный образ «нечестивых», которые «яко прахъ, его же возметаеть ветръ отъ лица земли», подается как греховный, ведущий к «погибели».

Собственно говоря, Псалтирь (как и вся духовная литература) будет описывать два этих противоположных пути: божественный и дьявольский, добродетельный и греховный, применительно к речи: «словесный» (то есть божественный, подлинно человеческий) и «бессловесный», т. е. «скотский» (синоним дан в «Алфавите» XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1: 130]). Выделение псалтирных строк с упоминанием *языка, уст, слова, речи, глагола, гласа* также позволяет разделить и противопоставить положительные и отрицательные коннотации: «языком» можно Бога славить, но тот же «язык» — неудержимое зло, орудие обмана, лести, коварства, пагубы душ других людей и своей собственной. Каждый из названных терминов (*язык, речь, уста, слово* и др.) имеет свой комплекс значений и может быть разобран отдельно, но принципиально все они в подавляющем большинстве случаев используются в значении «орудие общения и взаимодействия людей».

Объем статьи позволяет подробно остановиться только на одном из этих терминов — *языке*, но поскольку он постоянно будет перекликаться и с «*устнами*» и «*словесами*», картина должна сложиться вполне отчетливая и определенная. Слово *язык* употреблено в церковно-славянской Псалтири 71 раз, из них ровно половина приходится на значение «народ», а другая половина употреблений используется в значении «орудие общения», причем это использование может быть сделано принципиально в двух указанных нами нравственно-этических аспектах: *язык* — либо славословие и служение Господу, либо — злость и пагуба, ложь («лесть») и страдание.

Появление значения *языка* как «народа» в текстах Священного Писания следует исторически обосновать с точки зрения появления народа, нации как таковых, причем цивилизационное создание народа (нации) как раз и связано с появлением письменной речи. Анализ фольклорных текстов как вида дописьменной словесности показывает, что в них отсутствует значение «народ», а *язык* используется только как метафора для обозначения его как орудия общения. Это использование

также будет последовательно осуществляться в двух смыслах: либо положительном («язык стяг — дружины водит»), либо отрицательном («язык мой — враг мой»), причем именно через «языковые» ошибки будут показываться правильные действия с языком («за твоим языком не поспеешь босиком», или «кто языком штурмует, немного навоюет» и т. д.).

Чтение Псалтири заставляет современного читателя каждый раз напрягаться и гадать: это язык — в значении «народ» или язык — в привычном нам значении «орудие общения». Употребления термина язык в Псалтири впервые начинается во 2-м псалме всем известными строками:

«Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетнымъ?» (Пс. 2:1); и в том же псалме: «проси от мене, и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли» (Пс. 2:8). И далее многочисленные употребления (приведем наиболее понятные для современного читателя): «Избавиши мя от прерѣканія людей: поставиши мя во главу языковъ...» (Пс. 17:44); «яко Господне есть царствіе, и той обладаетъ языки» (Пс. 21:29); «Воцарися Богъ надъ языки: Богъ съдитъ на престолѣ святѣмъ своемъ» (Пс. 46: 9) и т. д.

Анализ употреблений терминов язык, уста, слово («словеса») интересует нас с точки зрения выстраивания правил обращения с языком — речью — словом. Обратим внимание на то, что все эти термины (назовем их так в исходном значении «термина» как некоего понятия определенной области знания) будут обладать принципиально одним значением — они обозначают орудие речи, инструмент общения, способ передачи мысли. Через «язык» в широком смысле выстраивается способ поведения и в конечном результате нравственный образ человека и стиль его жизни.

Анализ этих правил следует начать с проблемы языка и мышления (если использовать современную терминологию), но если воспользоваться терминами духовной психолингвистики или духовной риторики (нам кажется, что оба термина имеют право на то, чтобы обозначить так область науки, изучающей правила порождения и выстраивания речи в духовной литературе), то речь может идти о том, что языковому поступку предшествует состояние «сердца», «помыслов», которые в сердце рождаются, а затем только вызревают идеи

и аргументы, которые будут выражены «уста́ми». Как показывает анализ текстов Священного Писания, сначала прокламируется нравственная основа человека (праведность и мудрость, чистота сердца и помыслов), а затем следует переход к речевым действиям. Эта последовательность реконструируется из анализа множества псалмов царя Давида и притч Соломоновых. Вот пример из 14-го псалма:

«Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? Ходяй непороченъ и дѣлаяя правду, глаголяй истину въ сердцахъ своемъ: иже не ульсти языкомъ своимъ и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріять на ближнія своя: уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящіяяся Господа славить...» (Пс. 14:1–4).

Итак, достоин быть рядом с Господом только тот, кто непорочен, чист сердцем, а затем следуют языковые действия, которые не должны творить зла и не быть обманом («не ульсти языкомъ своимъ»), не принимать поношений на ближних, Господа славить (все — речевые действия!).

Таким образом, законы духовной психолингвистики просты: сначала **«сердце** чисто созижди во мне, Боже», затем **«устне** мои отверзеш...».

Суждения о действиях «языком» с очевидностью делятся по смыслу на положительные (славословящие Бога, устремляющиеся к Его правде и премудрости, радующиеся «языком» от встречи с Господом — всего таких суждений 9) и отрицательные (в них показаны «язык лъстивый и уста неправедные» — всего таких суждений 22). Вот примеры первых:

«Сего ради возвеселися сердце мое, и возрадовася языкъ мой...» (Пс. 15:9 — вновь вначале «сердце», а затем «язык»);

— *«Уста праведнаго поучатся премудрости, и языкъ его возглаголетъ судъ»* (в переводе «суд» — «правду» — Пс. 36:30);

— *«Рѣхъ: сохраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внегода востати грѣшному предо мною»* (Пс. 38:2–3)...

Как видим, язык праведного веселится, радуется («возрадуется языкъ мой правдѣ твоей» — Пс. 50:16), славословит, изрекает «слово благо», «учится правде» («языкъ мой весь день поучится правдѣ твоей» — Пс. 70:24)... В 38-м псалме

в синонимических выражениях повторяется то, что мы назвали бы структурой подготовки и реализации речевого акта: праведник «хранит» пути свои, т. е. готовится не согрешать своим языком, он в молчании (молчание — языковая добродетель!) кладет устам своим «хранило», он как бы «онемел» и «смирился», молчал «даже о добром» (таков перевод), и тогда согревается сердце в нем — и только потом «разгорается огонь», когда «*глаголахъ языкомъ моимъ: скажи ми, Господи, кончину мою и число дній моихъ, кое есть...*» (Пс. 38: 4–5).

По контрасту тот же данный человеку язык становится орудием зла и лести, пагубы и страдания — и таких суждений, как сказано выше, гораздо больше. Важно понять, о чем говорят эти отрицательные осудительные высказывания о языке:

«Удержи языкъ твой от зла, и устнѣ твои, еже не глаголати лъсти» (Пс. 33:14); *«уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе льщенія»* (Пс. 49:19); *«неправду умысли языкъ твой: яко бритву изощрену сотворилъ еси леть»* (Пс. 51:4); *«возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ»* (Пс. 51:6); *«Господи, избави душу мою отъ устенъ неправедныхъ и отъ языка льстива»* (Пс. 119:2).

Как видим, в подавляющем большинстве случаев говорится о «льсти». Обман, таящийся в языке, становится в текстах «Псалтири» основным отрицательным свойством языка. Он постоянно соседствует со следствием (пагубой — «глаголы потопныя») или причиной (ложный замысел: «неправду умысли...»). Актуальность описываемого материала заставляет вспомнить одно из основных положений современной философии языка, сформулированной академиком РАО, профессором МГУ им. М. В. Ломоносова Ю. В. Рождественским: «*Этические задачи языка: “не лгать, не лжесвидетельствовать” — не новы, но существенны...*» [Рождественский, 2003: 89].

Отметим стилистическую особенность данных псалмических стихов: почти каждый стих в разделении на такты (их может быть два или три) содержит синонимические слова и выражения, а повтор смысла в подобных фигурах речи способствует усилению эмоционального воздействия текста. Так, язык постоянно соседствует с устами:

«уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе льщенія» (Пс. 49:19); *«Уста праведнаго поучатся премудрости, и языкъ его возглаголетъ судъ»* (Пс. 36:30); *«егоже клятвы уста его полна суть, и горести и льсти: подъ языкомъ его трудъ и бользнь»* (Пс. 9:28); *«Тогда исполнишася радости уста наша, и языкъ нашъ веселія»* (Пс. 125:2); *«возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ»* (Пс. 51:6).

Нередко эти фигуры распространяются до трех частей, включая еще и *словеса*:

«Боже, хвалы моя не премолчи: яко уста грѣшница и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языкомъ льстивымъ, и словеса ненавистными обыдоша мя...» (Пс. 108:1–3).

Объем статьи не позволяет говорить подробно о синониме *языка* — термине **слово**, которое в духовной литературе занимает главенствующее место. Идея **слова** — основная идея европейской философии и культуры, поскольку «в начале было Слово» и **слово** становится основным термином в классической филологической литературе (словесности, риторике и поэтике) — см. об этом наше исследование в кн. «Основы филологии» [Аннушкин, 2019: 23–85]. Термин **язык**, главенствовавший в фольклорных текстах по сравнению с терминами *слово* и *речь*, в текстах письменной и печатной словесности отойдет на второй план, уступив первенство **слову**, и это наглядно видно по количеству употреблений данных терминов в учебниках риторики и словесности, начиная с М. В. Ломоносова до середины XIX в. [Аннушкин, 2019: 52–85].

Термин **слово** в Псалтири (обычно он употребляется в форме множественного числа как «словеса») дан, прежде всего, как «Слово Господне», но, конечно, **слово** также — «орудие общения», или «текст». Таким образом, это либо «словеса устъ моихъ» (Пс. 18:15), либо «словеса Божія» (Пс. 106:11), а «*словеса Господня словеса чиста, сребро разжжено...*» (Пс. 11:7). Конечно, наиболее частотны «словеса» самого царя Давида — он их оценивает, ими согрешает, ими служит Господу: «*далече от спасенія моего словеса грѣхопаденій моихъ*» (Пс. 21:2) «*И будутъ во благоволеніе словеса устъ моихъ...*» (Пс. 18:15).

Термин **слово**, или **словеса**, заслуживает подробного рассмотрения именно в смысле соотнесения со Словом Божиим — и на это свойство данного термина (по сравнению с **языком**) стоит обратить особое внимание. В «Псалтири» нет выражения «язык Божий» и, на наш взгляд, последний факт говорит о соотнесении концепта **язык** именно с устной речью как орудием общения. Слово Божие готовит слово человеческое — именно об этом суждение святителя Игнатия Брянчанинова: «Слово человеческое подобно Слову Божию» [Игнатий Брянчанинов: 7]. Поэтому так выразителен 118-й псалом, где псалмопевец постоянно беседует со Словом Божиим — «Словом Твоим»:

«Въ часомъ исправитъ юнѣйшій путь свой? вегда сохранити словеса твоя (перевод: как юноше хранить в чистоте путь свой? Хранением себя по Слову Твоему). Встѣмъ сердцемъ моимъ взыскахъ тебе: не отрини мене от заповѣдій твоихъ. Въ сердцахъ моемъ скрыхъ словеса твоя, яко да не согрѣшу тебеъ <...>. Во оправданіихъ твоихъ поучуся: не забуду словесъ твоихъ. Воздаждь рабу твоему: живи мя, и сохраню словеса твоя <...>. Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси твоему» (Пс. 118: 9–11, 16–17, 25).

В этом пространном псалме (176 стихов) обращение к «словеси Твоему» повторяется 33 раза (!)... Оценка же **словес** как орудия общения повторяет смыслы **языка**, проанализированные выше. Характерно, что в Псалтири не встречается термин **речь**, но только глагол *рече* в значении «сказал» (36 употреблений). Вместо него часто употреблен термин «**глагол**» в значении «слово», «речь» — ср.: стих «возлюбилъ еси вся глаголы потопныя» переведен на русский как: «Ты любишь всякие гибельные речи» (Пс. 51:6).

Систематизация в Псалтири правил и рекомендаций о языке — слове — речи трудна тем, что тексты духовной литературы (это будет относиться и к Притчам Соломона, и к Евангелию) вообще с трудом поддаются структурной или классификационной обработке. Они действуют на душу читателя-пользователя волнообразно, молитвенно. Здесь уместно вспомнить суждения святителя Феофана Затворника о возможности создания системы в научных и духовных

текстах (см.: [Феофан Затворник]). Если в книге «Начертание христианского нравоучения» он создал систематическое изложение состава христианской нравственности с накладываемой на него сеткой понятий, то в предисловии к книге «Святые отцы о молитве и трезвении» Феофан Затворник высказывает следующую мысль о необходимости и возможности систематизации понятий:

«Иной, может быть, пожалеет, что сборнику не дана какая-нибудь система. Об этом была мысль. Но спрошен был один из великих молитвенников, святитель Божий, теперь уже блаженной памяти, — не лучше ли дать **систему** сборнику? Ответ получен такой: не идет к сему делу **система**. Система производится такими силами, которые находятся совсем в другой области, нежели в какой действуется молитва. Потому это будет смешение несродных стихий. Сборник составляется для **назидания, а не для умствования**» (выделено мной. — В. А.) [Феофан Затворник].

В нашем исследовании этот вопрос неминуемо встал также, поскольку и текст Псалтири, и текст Евангелия являются молитвенными текстами, а Притчи Соломона сродни им. Признавая специфику молитвенного текста, необходимо попытаться проанализировать его природу через анализ принципов его построения, что позволит понять и природу его воздействия на душу и поступки человека. Выстроить стройную последовательную систему, скорее всего, не получится, но есть надежда создать стройное, последовательное и упорядоченное описание.

Не меньший по объему материал набирается, если обратиться к синониму терминов **язык** и **слово** — термину «уста». Оно не менее частотно и, в сущности, не добавляет новых смыслов к толкованию правил речи. Однако ввод этого нового по сравнению с фольклорными текстами слова принципиально важен тем, что оно характерно именно для книжной церковно-славянской речи — в фольклорных пословицах и поговорках будут наличествовать только *язык* — *слово* — *речь*, в духовной же литературе термин **уста** становится стилистическим маркером и едва ли не более частотен, чем термин **язык**. Особенно это будет заметно при анализе Притчей Соломона и еще более — в русской духовной литературе у Феофана Затворника,

Тихона Задонского и многих других авторов, постоянно использующих слово «уста».

Основной лейтмотив — тот же, но едва ли не более выпукло обозначается «**слово человеческое**», извлекаемое из «**уст человеческих**»: «Господи, устнь мои отверзеши, и уста моя възвѣстятъ хвалу твою» (Пс. 50:17); «устнама радости восхвалятъ тя уста моя» (Пс. 62:6); (о врагах) «Яко нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробѣ отверстѣ гортань ихъ, языки своими льщаху» (Пс. 5:10); «уста ихъ глаголаша гордыню» (Пс. 16:10).

Таким образом, Псалтирь — важнейший шаг в развитии историко-культурного взгляда на язык — уста — слово — речь. В дальнейшей словесно-литературной истории человечества Псалтирь стала образцовым культурно значимым текстом, на который ориентировались многие авторы в создании поэтических произведений (см. колоссальную русскую традицию поэтических переложений псалмов), Псалтирь — источник цитирования в научной и художественной литературе самых различных жанров. Описанный тематический фрагмент свидетельствует и сегодня об огромной значимости для современных антропологических и антропоцентрических исследований классических суждений псалмопевца царя Давида, давшего непреходящие правила и рекомендации к образу человека и его обращению со словом.

Притчи Соломона — о языке — речи — слове

Существенная новация Библии как письменного текста говорит о том, что время написания данного текста связано с временем формирования народа, нации, национальных культур. В фольклорных текстах, как показано выше, не встречается значение языка как «народа», поскольку фольклорная концепция бытия — это время семейно-родового строя, когда идея нации еще не сформировалась. **Фольклорная практическая мораль** формируется в устных дописьменных текстах и название «народное творчество» фольклор приобретает в более поздние времена, когда фольклорная культура, зафиксированная в письменных текстах, станет восприниматься как принадлежащая определенному народу или нации;

религиозно-духовная мораль фиксируется на новом витке развития человечества в письменных текстах, а сама письменная фактура текста позволяет по-новому, более сложно развивать мысль и формировать эстетически более совершенные и распространенные стилистические конструкции. Вот почему при принципиальном тождестве мыслей стилистическое выражение фольклорного текста представляется простым и кратким (хотя и образным, и украшенным), а стиль книжно-библейского письменного текста формируется как более простой, замысловато украшенный фигурами речи. Ср.:

Язык и лечит, и калечит (посл.). — Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует (Притч. 12:18);

Веревка хороша когда длинна, а речь — когда коротка (посл.). — При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен (Притч. 10:19).

В Притчах Соломона изложена этическая система взглядов на поведение человека вообще и речевое поведение в частности. При этом сама проблематика «языка» или «уст», встречаясь в трети всего корпуса притч, находится как бы в стороне; отношение к «языку» как инструменту выражения страха Господня, мудрости и истины необходимо разглядеть в общей доктрине религиозного текста. В основе любого рассматриваемого в духовной литературе текста о человеческом слове (языке, речи) будет лежать не самодостаточный взгляд на язык, а православно-философская концепция взглядов на мир, место человека в мире, ценностные качества и поступки человека (то, что называется «добродетелью»). Уяснив эти философско-этические позиции, следует переходить к анализу самой речи, правилам словесного убеждения, языковых поступков.

Исследование содержания Притчей, как правило, сводится к попыткам распределить притчи на основные тематические разделы — особенно это заметно в известном комментарии православного библеиста и богослова, переводчика библейских книг П. Ю. Юнгера, когда каждой главе Притчей предпослан краткий тематический пересказ. Например, глава 6: «1–5 — приточник предостерегает от поручительства и его печальных последствий; 6–11 — леность и ее последствия; 12–19 — коварство и ложь и их обнаружения; 20–24 — советы следовать

мудрости и ее благам; 25–35 — последствия распутства» [https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Yungerov/kniga-pritchej-solomonovyh/6].

Попытка прямо назвать тематические разделы Притчей содержится в фундаментальном исследовании Е. В. Рашковского. Выстраивая композицию Притчей по разделам, он дает им следующие именованья:

«Пролог (1.1.–1.6); Послушание и соблазны (1.7–1.19); Премудрость обращается к людям (1.20–1.33); Честь смолоду (2.1.–2.22); Слава — наследие мудрых (3.1.–3.35); Путь мудрости, тропы чести (4.1.–4.27); Верность и разврат (5.1–5.23); Необдуманные обстоятельства (6.1–6.5); Муравей (6.1.–6.11.)» [Рашковский, 1999: 1–3].

Обратим внимание на то, что тема *языка — слова — уст — речи* не затрагивается прямо и это можно объяснить тем, что язык, строго говоря, есть лишь средство или инструмент проявления тех или иных добродетелей и пороков, сопровождающий обстоятельства жизни человека. Однако именно *язык — слово — уста — речь* будут упомянуты в Притчах Соломона максимально часто. Последовательное прочтение данной Книги показывает, что обращение к философии («мудрости») постоянно соединено с действиями в языке. Мудрость не существует без слов, ее выражающих, мышление — вне речи, философия мироустройства — без риторики. Множество ситуаций, образно описанных в притчах, ведет к тому, что содержание сентенций будет отчасти повторяться, однако богатство образов требуется для того, чтобы обратить читателя к целостной и неизменной системе взглядов.

Вчитаемся в Притчи Соломона глазами современного человека, размышляющего о требованиях к владению словом. Эти требования основываются на качествах (добродетелях) **мудрости и праведности**, которые делают человека «**блаженным**» (имеющим благо). Параллельно с этими основополагающими качествами будут следовать сентенции об «устах» (их в тексте 67), «слове» (27 притчей), «языке» (26), «речи» (6).

Стиль притчей таков, что премудрый Соломон как бы осмысляет каждую тему с разных сторон, которые и составляют существо классического метода топосов (термин риторики!) — универсальных способов описания каждого предмета. Это

описание включает определение, происхождение, следствие, причину, место, время и другие ситуации и обстоятельства, связанные с избранной темой. Вот лишь некоторые выразительные сентенции о **мудрости**:

- Происхождение мудрости: *«Ибо Господь дает мудрость; из уст Его — знание и разум»* (Притч. 2:6);

- Способ приобретения мудрости и результат: *«послушает мудрый — и умножит познания, и разумный найдет мудрые советы»* (Притч. 1:5);

- Основание для приобретения мудрости: *«Начало мудрости — страх Господень; [доброе разумение у всех, водящихся им; а благоговение к Богу — начало разумения;] глупцы только презирают мудрость и наставление»* (Притч. 1:7);

- Как становиться мудрым: *«Мудрый сердцем принимает заповеди, а глупый устами преткнется»* (Притч. 10:8);

- Провозглашение мудрости: *«Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой»* (Притч. 1:20);

- Результат обретения мудрости: *«Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей»* (Притч. 2:10); *«Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, — потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота»* (Притч. 3:13–14);

- Мудрость — качество Самого Творца: *«Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом; Его премудростью разверзлись бездны, и облака кропят росой»* (Притч. 3:19–20);

- Ценность мудрости: *«Главное — мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум»* (Притч. 4:7); *«...мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею»* (Притч. 8:11) и т. д.

Обращение к мудрости, внимание к внутренней стороне человека, чистоте его сердца имеет прямое отношение к языку, является основой дальнейших рассуждений. Мудрость — основа истинного красноречия. Практическая польза духовных наставлений — не сиюминутна, как от «золота», но вечна, и об этом вся 8-я глава Притчей Соломона.

Следующее качество — **праведность**:

- Праведность — путь добрых, от нее — долгоденствие и благополучие: *«Посему ходи путем добрых и держись стезей праведников, потому что праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней...»* (Притч. 2:20–21);

- Результат праведности — спасение человеку: *«Не доставляют пользы сокровища неправедные, правда же избавляет от смерти»* (Притч. 10:2);

- Результат праведности — сама благая жизнь: *«Праведность ведет к жизни, а стремящийся к злу стремится к смерти своей»* (Притч. 11:19);

- Праведность — качество заботливости о чужой жизни: *«Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко»* (Притч. 12:10);

- Праведность дает надежду: *«За зло свое нечестивый будет отвергнут, а праведный и при смерти своей имеет надежду»* (Притч. 14:32);

- С праведностью связаны законность и процветание народа: *«Праведность возвышает народ, а беззаконие — бесчестие народов»* (Притч. 14:34);

- Праведность направляет человека по прямому и истинному пути, несмотря на дерзость людей нечестных: *«Человек нечестивый дерзок лицом своим, а праведный держит прямо путь свой»* (Притч. 21:29) и т. д.

Свойства мудрости, праведности, сердечной чистоты — основание для действий честного и правдивого, чистого и правильного языка — слова — речи — уст. Требования к «языку» и «устам», подобно проанализированным выше псалмам, всегда следуют после рассуждений о «хранении сердца» или обращения к «мудрости»:

«Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни. Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя» (Притч. 4:23–24). Чистота сердца дает человеку опору в жизни и долголетие, а лживость и лукавство дают жизнь лишь «на мгновение». Антиномия истины и лжи, идущая от «языка», будет постоянно обсуждаться в разных сентенциях.

«Сын мой! внимай мудрости моей, и приклони ухо твое к разуму моему, чтобы соблюсти рассудительность, и чтобы уста твои сохранили знание» (Притч. 5:1–2). Кроме многократного возврата к мудрости здесь и обучение искусству слушать (речевое качество), и результат такого «внимания»: ты приобретешь «рассудительность», а «уста твои — знание». Рассудительность же как искусство говорить и «знающие» уста основываются на мудрости.

Систематизация правил, касающихся этики речи в Притчах Соломона возможна через выделение опорных слов-понятий, которые выражают основную идею изречения. При этом выясняется, что многие сентенции синонимичны, взаимопроникают друг в друга. Основная сила притчей состоит в их стилевом выражении, богатой образности, особом волнообразном действии на психический организм читателя — словно морская волна приливает в первой части притчи и, омыв, очистив душу читателя, откатывается во второй части притчи назад. А затем — новая волна...

В отличие от Псалтири Притчи Соломона богаче ситуациями общения, разнообразнее в советах, выстраивающих в воображении читателя или слушателя каждый раз новые дополнительные смыслы. Толкователь притчей властен изымать из них самые различные советы, хотя все они находятся в рамках единой философской-этической концепции взгляда на мир и человека в нем. Это разнообразие распространяется в первую очередь на правила и рекомендации в действиях *языком — словом — речью — устами*. Ср.:

Многословие — сдержанность: *«При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен»* (Притч. 10:19); уместность, действие речи: *«Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово вовремя!»* (Притч. 15:23); Пустословие — врачевание мудрым языком: *«Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует»* (Притч. 12:18); Действие гнева как риторической эмоции: *«У глупого тотчас же покажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление»* (Притч. 12:16); Ложь противопоставляется истине: *«Мерзость пред Господом — уста лживые, а говорящие истину благоугодны Ему»* (Притч. 12:22); Действие кротости на гнев: *«Кроткий*

ответ отвращает гнев, а оскорбительное слово возбуждает ярость» (Притч. 15:1) и мн. др.

Анализ Книги притчей с точки зрения встречающихся слов-синонимов, обозначающих **язык** — **слово** — **речь** — **уста** как инструмент человеческого общения, показал, что термин «уста» является наиболее употребимым (он встретился 84 раза), само «слово» — 46, «язык» — 26, «речь» — 11. Самым частотным оказалось слово «уста» — они являются как бы рупорами, непосредственными действующими лицами языка, — и эту метонимию подхватят многие православные писатели Древней Руси, испытывая влияние стилистики Книги притчей. Так, «Цветник духовный» или «Пчела» XII века будут приводить различные сентенции с «языком» и преимущественным стилистическим приемом будет синонимическая замена термина **язык** на термины **слово** и **уста**, например:

«Язык есть самый благодетельный и самый вредный орган у человека. Одно уступчивое слово может утолить гнев, а грубое — привести в бешенство. <...> Не отвержай уст твоих для смеха: это признак рассеянной и нерадивой души, чуждой страха Божия» [Аннушкин, 2019: 39].

Вся Книга премудрого Соломона уснащена притчами с употреблением данных слов. Душа читателя омывается и очищается словесными волнами этих сентенций, каждый раз испытывая новые образные впечатления. Вот почти произвольно выбранный перечень притчей со словом «уста», каждая из которых в устах церковного оратора может требовать отдельных истолкований:

«Ибо Господь дает мудрость; из уст Его — знание и разум» (Притч. 2:6); *«Долгоденствие — в правой руке ее, а в левой у нее — богатство и слава; [из уст ее выходит правда; закон и милость она на языке носит];...»* (Притч. 3:16–16а); *«Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих»* (Притч. 4:5); *«Человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами»* (Притч. 6:12); *«Все слова уст моих справедливы; нет в них коварства и лукавства»* (Притч. 8:8); *«Страх Господень — ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я ненавижу»* (Притч.8:13).

Вот разнообразные советы к **слову** и **словам**:

«...да удержит сердце твое **слова** мои; храни заповеди мои, и живи» (Притч. 4:4); «Итак, дети, слушайте меня и не отступайте от **слов** уст моих» (Притч. 5:7); «Ты опутал себя словами уст твоих, пойман **словами** уст твоих» (Притч. 6:2); «Скажи мудрости: “ты сестра моя!” и разум назови родным твоим, чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает **слова** свои» (Притч. 7:4–5); «Кроткий ответ отвращает гнев, а оскорбительное **слово** возбуждает ярость» (Притч. 15:1); «Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе **слово** развеселяет его» (Притч. 12:25); «Кто пренебрегает **словом**, тот причиняет вред себе; а кто боится заповеди, тому воздается» (Притч. 13:13).

Подобно тому, как в Псалтири **язык** постоянно соседствовал с **уста**ми в двучастном построении притчи, в Притчах Соломона повторяется словосочетание «**слова уст** моих (или твоих)». Именно в Книге притчей можно увидеть синонимичность терминов **язык** — **уста** — **слово**. Приводя примеры с термином **язык** (менее частотным, чем другие), эта взаимозаменяемость ощущается особенно ясно: «**Язык** мудрых сообщает добрые знания, а **уста** глупых изрыгают глупость» (Притч. 15:2); «Кроткий **язык** — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа» (Притч. 15:4); «Сердце мудрого делает **язык** его мудрым и умножает знание в **устах** его» (Притч. 16:23); «Злодей внимает устам беззаконным, лжец слушается **языка** пагубного» (Притч. 17:4); «Коварное сердце не найдет добра, и лукавый **язык** попадет в беду» (Притч. 17:20).

Отметим эпитеты, которые сопровождают антонимические оценки терминов **слово**, **язык**, **речь**, **уста**: среди положительных эпитетов находим: *мудрый, разумный, умный, непорочный, праведный, правдивый, вдохновенный, добрый, верный, сказанный прилично, кроткий, мягкий, сладкий, приятный, важный* и т. д.; среди отрицательных: *глупый, нечестивый, лживый, лукавый, льстивый, коварный, беззаконный, законопреступный, злой, оскорбительный, зловредный, тайный, пагубный, пламенный* и т. д.

Перечень этих эпитетов подтверждает, сколь разнообразны оценки языка и правил, которых должен придерживаться

человек в своих языковых действиях. Из них выводятся «простые» рекомендации: речь должна быть мудрой, а не глупой; правдивой, а не лживой; полезной, а не зловредной; кроткой, а не гордой и необузданной... Тем не менее, уложенные в изысканную словесную форму, эти рассуждения предстают не как догмы досужей морали, а как творчество человеческого разума и глубокомысленное нравственное напутствие человеку, желающему создавать совершенные словесные суждения.

Святое Евангелие о языке — речи — слове

В тексте Святого Евангелия Словом Божиим выстраивается **новый образ человека и его словесного поведения** (особенно в сопоставлении с дохристианской культурой). При этом феномены *слова — речи — языка* подчас скрыты или выражены неявно, однако очевидно, что все, сказанное в Евангелии Господом Иисусом Христом, обращено к «словесной» (мы установили, что это значит «божественной») сущности человека. Так, в Заповедях блаженства (Мф. 5:3–16) предлагается новый образ «словесного» человека. Для всей предшествующей истории человечества, как впрочем, и для современного «мира», этот образ будет слишком неожидан и нов, он перевернет все представления о правилах поведения, в том числе, речевого: то, что было лишь намечено античными философами — «стихийными христианами», теперь обретает глубокое и простое выражение через Слово Божье. Простота и глубина кратких и вечных истин потребуют от воспринимающих Его Слово правильности истолкования.

Например, мы читаем и слышим: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие...». Оказывается, блаженны не богатые, веселящиеся и гордые, а смиренные и скромные — именно они получают в награду и «Царствие Небесное», и «наследуют землю». Эти парадоксальные мысли кардинально изменили духовную жизнь человечества — при отсутствии «фактов и логики доказательств», как полагают иные ученые.

Нравственный переворот состоял в изменении внутреннего настроя на бытие, а это — основа для предстоящего человеку вступления в общение со своими «ближними». Иисус

Христос называет две заповеди как духовно-нравственные указатели в человеческой жизни, которые не только приготавливают путь человека в Царство Божие, но делают его подлинно счастливым еще здесь на земле. Первая заповедь: «...**возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всюю душею твою, и всем разумением твоим**» (Мф. 22:37). Очевидно, что это — и эмоционально-интеллектуальный ориентир для человека, готовящегося предпринимать решения, совершать какие-то поступки и действия. Эти поступки и действия как в фольклорной, так и в духовной морали имеют последовательность: мысль — слово — дело, но в духовной морали к «мысли» добавлено тонко психологическое: «помысл», или «помышление». И Господь определенно ориентирует человека, указывая, где и с кем должны быть его «сердце, душа, разум»: они должны быть со Христом. Тот факт, что это основание для будущего словесного контакта, думается, доказательств не требует.

Вторая заповедь, высказанная Христом, совершенно определенно адресует человека к общению: «...**возлюби ближнего твоего, как самого себя**» (Мф. 22:39). Это не только основание межчеловеческих отношений, но и (выразимся сугубо «научно»!) — основной постулат, фундамент теории и практики речевой коммуникации. Любовь, как это известно не только из классических трудов по риторике (см. «Риторику» Аристотеля: [Аристотель: 48–50]), но и из современных описаний речевых эмоций [Рождественский, 1989: 23–29], — центральная эмоция, требующая речевого контакта и словесного воплощения.

Затем все Святое Евангелие выстраивает образ человека с его добродетелями (положительными «аксиологическими» качествами человека) и пороками (отрицательными качествами), и эти качества-свойства человека существенно отличаются от тех, что были сформулированы в Ветхом Завете, например, в проанализированных выше Псалтири и Притчах Соломона. Предшествующие Евангелию тексты не противоречат, но как бы готовят тот образ святости и обожения человека, образ Божий, который будет утвержден Господом Иисусом Христом в его Заповедях Блаженства (Мф. 5:3–12).

Господь называет эти качества человека и в каждом из них видится образ будущего речевого общения, тип словесного контакта, свойство языковой личности:

Блаженны нищие духом (т. е. нуждающиеся в духовном совершенствовании) — результатом их жизни (а жизнь человека проходит в словесном общении) будет **«Царство Небесное»**. Каким будет речевой образ такого человека, или образ риторика? Творческая премудрость данного текста в том, что в ответе на этот вопрос каждый «сам себе режиссер». Евангелие не навязывает свободному человеку, как ему совершенствовать себя, но только утверждает: «Будьте совершенны...» при ощущении «нищеты» духовной.

Названные в Заповедях блаженства качества человека становятся «ораторскими нравами» христианина, потому что, не называя прямо рече-словесных действий, они показывают не только образ речи, но и ее результат: «плачущие» (т. е. осознающие свои грехи) «утешатся»; «кроткие» (это ведь стратегия поведения, как теперь пишут в прагмалингвистике), а не наглые, — «наследуют землю» (парадоксально, но об этом говорит весь опыт духовной жизни и реальной практики); «алчущие и жаждущие правды» (образ ученого, ищущего истину! — не зря эта строка выбита на могиле Ф. И. Буслаева!) — «насытятся» и т. д.

И все последующие Заповеди блаженства утверждают, что основа человеческих взаимо-рече-отношений заключается в «чистоте сердца» и «милости» (после анализа Псалтири и Притчей эта мысль даже не кажется новой), т. е. прежде чем не очистишь сердце свое, не вступай в языковой контакт: «...пойди, прежде примиришься с братом твоим...» (Мф. 5:24). Мысль о сердечной чистоте и миротворении («блаженны миротворцы»), призывании Бога в момент рождения слова неоднократно проговаривается духовными писателями (см. об этом: [Аннушкин, 2019: 215]. Лицемерие Бога, стояние пред Божьими очами, когда очи «Бога узрят», и есть должное внутреннее устремление, предречевой духовный настрой.

После утверждения образа человека (нравственные добродетели), который является основой для будущей речи, все-таки

будут просматриваться прямые указания на речевые контакты, связанные со «словом». И они имеются в заключении Заповедей Блаженства: выход в *речь* — *язык* — *слово* начинается там, где появляются глаголы речевого действия: «Блаженны *изгнанные* за правду...» (изгоняют ведь не столько плетью, сколько речью); «Блаженны вы, когда будут *поносить* вас и *гнать*, и всячески несправедливо *злословить* за Меня» (Мф. 5:10–11). *Поношение* — явно глагол речевого действия, не говоря уже о «злословии»... Кстати, в древнерусском языке существовало множество слов именно с корнем «...-слов-»: *добрословие*, *истиннословие*, *красословие* и т. д. «Злословие» — это уже вступление в языковое общение с «миром», где Господь не обещает мира, покоя и тишины, развлечения и удовольствия, но предупреждает: «мир» будет «злословить вас». Эти новые этические правила, готовящие образ общения с миром и людьми, парадоксальны: вас будут «изгонять», но вы «блаженны», вас будут «поносить и злословить», а вы «радуйтесь и веселитесь», сохраняя стойко-стержневой душевный настрой.

Люди, принявшие этот образ, — «соль земли» (Мф. 5:13): не богатые и гордые, а «нищие духом» и «кроткие»; не смехотворцы и олигархи, а «плачущие» и «милостивые»; не манипуляторы и «льстецы», которые и ныне советуют, как «благородно» обмануть ближнего своего, а «алчущие и жаждущие правды», которые и «насытятся». Парадоксально, но именно этот образ человека — кроткого, плачущего, алчущего правды, милостивого, гонимого за правду и одновременно радующегося и веселящегося, делает жизнь к чему-либо «годною», «освещающую» этот мир и «светящую всем в доме» (Мф. 5:13–15).

Далее в Нагорной проповеди — вновь имманентно присутствующий образ должного человеческого общения, к которому Господь Иисус Христос и призывает: «Так да светит свет ваш пред людьми...» (Мф. 5:16). Это может быть даже не прямое речевое общение, а незримый, духовный «словесный» свет, который безмолвно и молчаливо (но не безгласно и «бессловесно») излучается от всякого, кто духовной работой, молитвой за мир (а молитва — тоже «общение», только «беседа, или разговор наш с Богом» — [Закон Божий: 23]) чудесным образом преображает его.

Последующий анализ текста Евангелия позволяет лишь выборочно показать основные вехи рекомендуемых Господом Иисусом Христом правил словесного общения с людьми:

- «*Любите врагов ваших, благословите клянущая вы...*» Это, без сомнения, правило коммуникации, неоднократно проговоренное духовными пастырями: легко общаться с теми, кого вы любите и кто любит вас, но каково обратиться к человеку неприязненному? «Мы привыкли общаться с людьми нам приятными... Поговорить с человеком, к которому имеешь предубеждение, нам очень трудно, но именно это затруднение нам надо преодолеть... Совершить некоторый подвиг, побороть свою неприязнь, что является уже доброделанием или добродетелью. В самом деле это есть наша задача каждого дня для каждого из нас. Общительность есть дарование Божие, а из необщительного себя сделать общительным ради пополнения своей скудости есть подвиг» [Сергий Пращский: 17].

- По Святому Евангелию рассыпаны речекоммуникативные советы относительно действия «словом»: «*буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею от неприязни есть*». Но этому совету предшествует рассуждение относительно речевого действия «клятися», т. е. клянуться или обещаться, которое заостренно требует от человека не просто исполнять обещанные клятвы, что было требованием и в Ветхом Завете, но быть осторожным в словах и не клясться вовсе: (в переводе) «*Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землю, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя...*» (Мф. 5:33–35).

- Наставления Господа в Евангелии, продолжающие оставаться фундаментальными основами современной нравственности, касаются именно словесных действий: «*...чти отца и мать: и, иже злословитъ отца или мать, смертию да умретъ*» (Мф. 15:4).

- Вновь в продолжении ветхозаветной традиции говорится о сердце, которому не должны противоречить уста: «*Благий человекъ от благаго сокровища сердца своего износитъ благое:*

и злый человекъ от злаго сокровища сердца своего износитъ злое: от избытка бо сердца глаголютъ уста его» (Лк. 6:45);

- И здесь же фундаментальное положение о празднословии, «его же не дай души моей»: «...за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36–37);

- Ветхозаветная «лесть» находит в Евангелии конкретное воплощение: фарисеи и книжники стремятся «обольстить Его словом»: «Тогда шедше фарисее, совѣтъ восприяша, яко да обольстятъ его словомъ» (Мф. 22:15).

Господь в Евангелии постоянно произносит «слова моя», и притча о Сеятеле, где семена аллегорически означают Слово Божие, должна быть распространена и на человека, сеющего словом (речью, языком) «разумное, доброе, вечное». Такое человеческое слово (аллегория, распространяемая на любую аудиторию), подобно Слову Божию, может быть и не воспринято («упало при дороге», а слушающий даже на «уразумевает»), а может быть и «воспринято», и даже «с радостью», но, не имея корня, быстро забывается; или же слово воспринято, дало корни и побеги, но «забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно». И только слово, «посеянное же на доброй земле, означает слышащего слово и понимающего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф. 13:20–23).

Таким образом, Господь как Словесный Пастырь готовит духовных словесных пастырей и среди людей, указуя им путь «словесного служения». Когда святитель Николай нашел в Ликийском монастыре «**безмолвное** житие и тихое пристанище для богомыслия», надеясь и «остальное время жизни провести здесь неисходно», Господь указывает ему другой путь «гласом свыше»: «**Николай, если ты желаешь удостоиться от Меня венца, иди и подвижайся на благо миру**». Это означало, что святой Николай должен был «оставить **подвиг безмолвия** и идти на служение людям для их спасения» [Житие: 182]. В пастырском служении св. Николай «право правил **слово истины** и мудро наставлял свою паству в учении веры» (выделено мной. — В. А.) [Житие: 182].

Примеров такого служения в жизни русского духовного и образовательно-интеллектуального сообщества множество и все они основываются на слове истины, которое почерпнется из главных книг человечества, для европейской культуры безусловно сконцентрированных в Священном Писании и прежде всего в Святом Евангелии.

«Да не будет слово твое праздно, да не будет молчание твое бессловесно» (Филарет Дроздов, митр. Московский). Умение через *слово* организовать жизнь является священным долгом и обязанностью каждого человека, ощущающего свою ответственность перед Богом и людьми. Исследованием же терминов *слово — язык — речь* выстраивается рекомендательная система правил речевого поведения, требующая от каждого, кто ориентируется на «главную книгу человечества», творческого подхода с целью реализации своей языковой личности и воплощения своего словесного таланта.

Примечания

- ¹ См. переиздание учебников Н. Ф. Кошанского: Кошанский Н. Ф. Риторика / изд. подгот. В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова. М.: Русская панорама; Кафедра, 2013. 320 с.

Список литературы

1. Аннушкин В. И. История русской риторики. Хрестоматия. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 416 с.
2. Аннушкин В. И. История слова «словесность» в русском языке // Язык как материал словесности: сб. науч. ст. к 90-летию проф. А. И. Горшкова. — М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2013. — С. 16–27.
3. Аннушкин В. И. Основы филологии. Курс лекций. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2019. — 128 с. (а)
4. Аннушкин В. И. Риторика. Экспресс-курс. — М.: Флинта: Наука, 2019. — 222 с. (b)
5. Аристотель. Риторика // Античные риторики. — М.: Изд-во Московского университета, 1978. — С. 13–164.
6. Житие святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: [в 12 кн.]. — М.: Синодальная типография, 1906. — Кн. 4: Декабрь. — 866, [2] с. [Репринтное издание]. — Козельск: издание Свято-Введенского монастыря Оптиной пустыни, 1993.

7. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / сост. протоиерей Серафим Слободской. Издано в России с разрешения издательства Свято-Троицкого монастыря, Джорданвилль, Нью-Йорк, США. — М., 2000. — 734 с.
8. Кошанский Н. Ф. Общая реторика. — СПб.: Тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1829. — 152 с.
9. Лескин Д. (протоиерей Димитрий Лескин). Метафизика слова и имени в русской религиозно-философской мысли. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 576 с.
10. Рашковский Е. В. Книга притчей Соломоновых (в помощь изучающим Священное Писание). — М.: Общество друзей Священного Писания, 1999 [Электронный ресурс]. — URL: https://royallib.com/read/rashkovskiy_evgeniy/kniga_pritchey_solomonovich_v_pomoshch_izuchaushchim_svyashchennoe_pisanie.html#0 (10.06.2020).
11. Риторика Патриарха. К 70-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла / сост. А. В. Щипков. — М.: Русистика, 2016. — 256 с.
12. Рождественский Ю. В. Риторика публичной лекции. — М.: Знание, 1989. — 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Лекторское мастерство»; № 1).
13. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. — 3-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 176 с.
14. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой — враг мой. — М., 1999. — С. 3–12.
15. Словарь Академии Российской. Т. I–VI. — СПб.: Императорская Академия Наук, 1789–1794. Репринтное издание. — М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006. — Т. V. — 1084 с.
16. Тимирханов В. Р. Моделирование лингвофилософских явлений в свете имяславской традиции: дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 2009. — 443 с.
17. Феофан Затворник. Святые отцы о молитве и трезвении [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/svjatyeto-ttsy-o-molitve-i-trezvenii/ (10.06.2020).

Vladimir I. Annushkin

Pushkin State Russian Language Institute

(Moscow, Russian Federation)

vladannushkin@mail.ru

Rules of Language — Speech — Words in the *Psalter*, *Proverbs of Solomon* and *The Holy Gospel*

Abstract. Spiritual texts implicitly contain rules and recommendations for the construction of speech communication. These rules are derived from direct references to the language-speech-word, or indicate speech actions or language actions. The texts of the *Psalter*, the book of *Proverbs of Solomon*, and the *Holy Gospel* are selected for this article. The author identified direct or hidden references to the terms *language-speech-word-mouth* that express judgments about the content or evaluation of these words in the life of a person. All these terms are used in the sense of “an instrument of communication, an instrument of organizing human contacts.” And they all receive a fundamentally dual moral and ethical assessment: *language-speech-word* can either “praise God” and be “words of good,” carry “joy in the response of the mouth,” or become an instrument of evil (“slander”), deception (“flattery”), suffering and destruction (“flood verbs”). Compared with oral pre-literate speech in folklore at a new stage of civilization development, these terms have acquired new meanings in written and printed literature: the term *language* obtains the meaning of “people” (in the *Psalter*), the term *word* becomes of overriding importance for European culture as the Word of God (*the Holy Gospel*), and the term *mouth* is metaphorically used most frequently in the *Proverbs of Solomon*. The revealed position in regard to the primacy of moral and ethical requirements for the speaker in the preparation of speech, when “pure heart” is mentioned first (“create a pure heart in me, oh God”), about righteousness and wisdom (in “Parables”), about the qualities of a person (see the Beatitudes), and only then it is about actions “of the tongue and mouth.” The duality of assessments of *language-speech-word* also speaks of the dual nature of man, who either “praises God with his mouth” or receives “judgment” for idle and false words. The analysis of judgments about *language-speech-word-mouth* in spiritual texts allows us to form recommendations and instructions for language acts and actions of a modern person who must preserve moral and cultural traditions and creatively apply the newly revealed rules in their own speech acts.

Keywords: the *Psalter*, *Proverbs of Solomon*, *The Holy Gospel*, word, language, speech, mouth, rules of communication

About the author: *Annushkin Vladimir I.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute (ul. Akademika Volgina 6, Moscow, 117485, Russian Federation)

Received: June 20, 2020

Date of publication: October 30, 2020

For citation: Annushkin Vl. I. Rules of Language — Speech — Words in “The Psalter”, “Proverbs of Solomon” and “The Holy Gospel”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 4, pp. 7–37. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8442 (In Russ.)

References

1. Annushkin V. I. *Istoriya russkoy ritoriki. Khrestomatiya* [History of the Russian Rhetoric. Chrestomathy]. Moscow, Flinta, Publ., Nauka Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)
2. Annushkin V. I. History of the Word “Slovesnost” in the Russian Language. In: *Yazyk kak material slovesnosti: sbornik nauchnykh statey k 90-letiyu professora A. I. Gorshkova* [Language as a Material of the Literature: A Collection of Scientific Articles for the 90th Anniversary of Professor A. I. Gorshkov]. Moscow, Maxim Gorky Literature Institute Publ., 2013, pp. 16–27. (In Russ.)
3. Annushkin V. I. *Osnovy filologii. Kurs lektsiy* [Basics of Philology. Course of Lectures]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2019. 128 p. (In Russ.) (a)
4. Annushkin V. I. *Ritorika. Ekspress-kurs* [Rhetoric. Express Course]. Moscow, Flinta, Publ., Nauka Publ., 2019. 222 p. (In Russ.) (b)
5. Aristotle. Rhetoric. In: *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetorics]. Moscow, the Moscow State University Publ., 1978, pp. 13–164. (In Russ.)
6. The Life of Saint and Wonderworker Nicholas, Archbishop of Mirlikia. In: *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Miney Sv. Dimitriya Rostovskago s dopolneniyami, ob"yasnitel'nymi primechaniyami i izobrazheniyami svyatykh: v 12 knigakh* [The Lives of the Saints in Russian Language, Expounded According to the Leadership of the Chetikh-Minea of St. Demetrius of Rostov with Additions, Explanatory Notes and Images of the Saints: in 12 Books]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1906, book 4: December. 866 p. (Reprint Edition. Kozelsk, The Optina Pustyn Publ., 1993). (In Russ.)
7. *Zakon Bozhii. Rukovodstvo dlya sem'i i shkoly* [Law of God. Family and School Guide]. Moscow, 2000. 734 p. (In Russ.)
8. Koshanskiy N. F. *Obshchaya retorika* [General Rhetoric]. St. Petersburg, tipografiya Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1829. 152 p. (In Russ.)
9. Leskin D. (Archpriest Dimitry Leskin). *Metafizika slova i imeni v russkoy religiozno-filosofskoy mysli* [Metaphysics of Word and Name in Russian Religious and Philosophical Thought]. St. Petersburg, Publishing House of Oleg Abyshko, 2008. 576 p. (In Russ.)
10. Rashkovskiy E. V. *Kniga pritchey Solomonovykh (v pomoshch' izuchayushchim Svyashchennoe Pisanie)* [The Book of Parables of Solomon (in Aid of Those Studying the Holy Scriptures)]. Moscow, the Society of Friends of the Holy Scriptures Publ., 1999. Available at: https://royallib.com/read/rashkovskiy_evgeniy/kniga_pritchey_solomonovih_v_pomoshch_izuchayushchim_svyashchennoe_pisanie.html#0 (accessed on June 10, 2020). (In Russ.)

11. *Ritorika Patriarkha. K 70-letiyu Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [Rhetoric of the Patriarch. To the 70th Anniversary of Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia]. Moscow, Rusistika Publ., 2016. 256 p. (In Russ.)
12. Rozhdestvenskiy Yu. V. *Ritorika publichnoy lektzii* [The Rhetoric of Public Lecture]. Moscow, Znanie Publ., 1989. 64 p. (New in Life, Science, Technology. Ser. "Lecturer Mastery"; no. 1). (In Russ.)
13. Rozhdestvenskiy Yu. V. *Printsipy sovremennoy ritoriki* [Principles of Modern Rhetoric]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. 176 p. (In Russ.)
- Svyatitel' Ignatiy (Bryanchaninov). Reasoning About the Human Word in Comparison With the Word of God. In: *Yazyk moy — vrag moy* [My Language Is my Enemy]. Moscow, 1999, pp. 3–12. (In Russ.)
14. *Slovar' Akademii Rossiyskoy. T. I–VI* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1–6]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1789–1794. (Reprint Edition, Moscow, Moscow Humanitarian Institute named after E.R. Dashkova Publ., 2001–2006, vol. 5. 1084 p.). (In Russ.)
15. Timirkhanov V. R. *Modelirovanie lingvofilosofskikh yavleniy v svete imyaslavskoy traditsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Modeling Linguistic Philosophical Phenomena in the Light of the Imyaslavsky Tradition. PhD. philol. sci. diss.]. Ufa, 2009. 443 p. (In Russ.)
16. Feofan Zatvornik. *Svyatye ottsy o molitve i trezvenii* [Holy Fathers About Prayer and Temperance]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/svjatye-ottsy-o-molitve-i-trezvenii/ (accessed on June 10, 2020). (In Russ.)